

В.А.Ермакова

Карагандинский государственный университет им. Е.А.Букетова

**Паремическая вербализация оппозитивных концептов «свой-чужой»
в разноструктурных языках**

В статье рассматривается проблема паремической вербализации оппозитивных концептов «свой-чужой» в разноструктурных языках. На паремическом материале пословиц и поговорок русского и английского языков автор анализирует основные семантические способы передачи данных концептов. Автором используются материалы 26 паремических словарей и сборников.

Ключевые слова: паремическая вербализация, элементы оппозиции, паремический корпус, возвратное местоимение.

Основу данной статьи составляет исследование, задачи которого предполагали: а) осуществление сопоставительного лексико-семантического анализа содержания оппозитивных концептов «свой-чужой» на основе словарных дефиниций, представленных в толковых словарях русского и английского языков; б) выявление однокоренных лексем, репрезентирующих оппозитивные концепты «свой-чужой»; в) исследование и сравнение основных синтаксических средств, участвующих в вербализации исследуемых концептов в русском и английском языках, при помощи методов компонентного и контекстного анализа.

Исследование выполнено на материале паремий русского и английского языков, эксцерпированных способом сплошной выборки из 26 различных паремических словарей и сборников. Детальному анализу подверглись 1000 русских и 1000 английских паремий. Основными критериями выбора языкового материала в работе являлись лексикографический критерий, т.е. вербальная представленность признаков исследуемой оппозиции в словарных дефинициях, и понятийная ограниченность, детерминируемая концептами, составляющими бинарную оппозицию «свой-чужой».

На основе дефиниций оппозитивных лексем «свой-чужой», представленных в толковых словарях русского языка С.И. Ожегова [1; 704, 889] и В.И. Даля [2; 613], с использованием понятийного моделирования можно определить содержательный минимум концептов, составляющих бинарную оппозицию «свой-чужой» в русском языке, где «свой» определяется наличием отношения обладания, принадлежности между субъектом (как правило, одушевленным лицом, способным к сознательным действиям) и объектом (человеком или предметом, качеством, конкретным или абстрактным понятием), который связан с субъектом, присущ ему, схож с ним, является ему близким, родным знакомым; «чужой» определяется отсутствием отношения обладания, близости, родства сходства между субъектом и объектом. Как видно из словарных определений, лексемы «свой» и «чужой» в русском языке трактуются как антонимы с контрадикторной противоположностью значений.

Одна из важнейших черт бинарной оппозиции «свой-чужой» в русском языке — это оценочность компонентов пары, осуществляемая из центра «я» субъекта оппозиции, который присутствует в дефинициях обеих единиц: оценку «своего» осуществляют «свои», находящиеся по одну сторону, оценку «чужого» тоже осуществляют «свои», но при этом они находятся по разные стороны невидимой границы.

На основе определений лексем «one's own» и «other/another», представленных в толковом словаре английского языка Oxford Advanced Learner's Dictionary [3; 1086, 55, 1073], с использованием понятийного моделирования можно определить содержательный минимум концептов, составляющих

бинарную оппозицию «one's own-another/other» в английском языке: где «one's own» обладает схожей семантикой с русской лексемой *свой* и определяется наличием отношения обладания, принадлежности между субъектом (как правило, одушевленным лицом, способным к сознательным действиям) и объектом (человеком или предметом, качеством, конкретным или абстрактным понятием), который связан с субъектом, знаком или присущ ему, схож с ним; в то время как «other/another» приобретает несколько другие семантические оттенки, в отличие от русского «чужой», и определяется не только отсутствием отношения обладания, сходства между субъектом и объектом, но и акцентирует существенные различия субъекта и объекта, непохожесть друг на друга; немаловажным также является то, что лексема *others* в английском языке может также представлять неперсонализированную группу людей.

Элементы оппозиции «свой-чужой» в русских паремиях выступают, прежде всего, как субстантивы и имеют своим референтом лицо, находящееся в/вне связи с группой лиц как с единым целым. Идентификация объекта как «своего» или «чужого» определяется наличием или отсутствием связи с некоторой общностью людей. Паремии, в которых употребляются субстантивированные прилагательные *свой* и *чужой*, характеризуются как предложения идентификации, ср.: *Кому от чужих, а нам от своих.*

При субстантивации лексем «свой-чужой» в русских паремиях осуществляется категоризация понятия «народ, люди» по принципу «свой-чужие», например, ср. в русских паремиях: *Свой своему и лежа помогает: Свой своему поневоле брат* и др. Всего в ходе анализа в русском паремическом корпусе было выделено 18 единиц, входящих в данную группу.

В русских паремиях народ оказался центром, на котором оппозиция «свой-чужой» заострилась посредством субстантивизации. В них она проявляется наиболее ярко, эмоционально. Пространство «своего» иерархично, расчленено, каждый его член должен подчиняться его законам, социуму, должен выполнять определенные ритуалы, объединяющие все общество «своих». «Чужой» здесь — прежде всего тот, кто отличается от своих, он неизвестный, неизученный, странный, враждебный, ср.: *Свой свояка видит издалека; Свой со своим бранись, а чужой не мешай; Свой со своим считайся, а чужой не вступайся!*

В английских паремиях субстантивации подвергается только оппозитивная лексема с семантикой чуждости *other/another*. Она несет меньшую эмоциональную нагрузку, чем в русских и в большинстве случаев обозначает не народ в целом, как противопоставленный чужой, враждебной силе, а другого человека (людей), в отличие от субъекта оппозиции «я», ср.: *He that flings dirt into another dirties himself most; He that has no mouth of his own cannot say to another; A hog that is bemired endeavors to bemire others.* Однако количество английских паремий с субстантивированными прилагательными «other/another» существенно больше, чем русских и составляет 56 единиц.

Исследование паремического корпуса позволило выявить однокоренные лексемные оппозитивные концепты «свой-чужой» и «own-another/other» в русских и английских паремиях.

При словообразовательном анализе в русских паремиях было выделено достаточно большое количество однокоренных лексем, например: *Два свояка, между них черна собака; Кумовство да свойство, все родство*, где лексема *сваяк* обозначает — «брат жены, тесть», а лексема *свойство* обозначает соответствующие родственные отношения. В пословице *Человеку свойственно ошибаться* лексема *свойственно* является наречием и обозначает «что-то привычное для человека, составляющее его свойство». Прилагательное *собственный* в паремиях этой группы является эквивалентом английского *his/her own*, ср.: паремии *Ничто не убеждает лучше собственного примера, Только собственный опыт*, и обозначает «принадлежащий кому-л., свой, личный».

Сюда также относятся паремии с возвратными местоимениями *себе, собой*, например: *Всякий хлопчет, себе добра хочет; Коли хочешь себе добра, то и людям не делай зла; Кто собой не управит, то и другого на ум не наставит*, обозначающие направленность действия на самого производителя действия. Также определительное местоимение *сам*, например: *Всяк сам своему счастью кузнец; Всяк сам на себя хлеба добывает; Всяк сам себе ближе; Всяк сам себе дороже; Всяк сам себе загляденье; Всяк сам себе хорош.*

В ряде пословиц встречается лексема *по-своему*, например: *Всякий дьяк по-своему вякает, Всякий поп по-своему поет; Всяк по-своему толкует; Всяк по себе, а я по-своему; Всяк по-своему, да никто по-божьему*, в которой отмечена семантика «своеволия», в них наиболее четко прослеживается этимологическая связь с концептом «воля» (общее количество 14 единиц).

Лексемы *самолюб* и *себялюб* выделяются в следующих паремиях, ср.: *Самолюб* всякому (никому) не люб; *Себялюб* только себе люб, и обозначают человека, который любит, уважает и ценит только себя.

В русских паремиях встречаются также специфические лексемы, обозначающие противопоставление «своего и «чужого» пространств», например: *Хорошо в гостях, а во своих лучше; Вчуже хороши смешки. Чужбина не по шерсти гладит; На чужбине обтолкнут бока.* Пространственное разделение «своего» и «чужого» следует признать изначальным. Деление пространства на «свое» и «чужое» относится к древнейшим архетипам сознания — типичным, врожденным способам понимания [4; 246] и связано с осознанием человека себя, своего тела в пространстве по отношению ко всему «другому», «чужому» и в дальнейшем, с делением своего пространства на «свою» и «чужую» сферу. Такая специфика восприятия находит отображение в паремической картине мира. Мы еще не раз будем находить подтверждение этому в ходе анализа.

Особый интерес представляют собой русские паремии, в которых выделяются лексемы *собинка* — *оскобинка* (общее количество 4 и 1 единица соответственно), ср.: *Люби собинку, люби и оскобинку; Собинка всего дороже; Наша собинка малинкой, ваша собинка вонюгой поросла; Только у Хорьки и собинки; С умом собина нажита, без ума прожита.* Данные лексемы являются устаревшими и имеют следующие значения, закрепленные в словарях. Так, в этимологическом словаре М. Фасмера «собина» определяется как собственность [5; 703], а определение лексемы «оскобинка» отсутствует, при этом в Толковом словаре В.И. Даля «собинка» (см. *собь*) толкуется как: а) все свое имущество, животы, пожитки, богатство; б) свойства нравственные, духовные, и все личные качества человека, особ. все дурное, усвоенное по дурным наклонностям, соблазнам, страстям; отсюда — *собственность, собственный, свой*, при этом *собливый, собчивый, собистый* имеет негативный оттенок — *корыстный, скопляющий себе собинку* [2; 252]; оппозитивная ей лексема «оскобинка» обозначает что-л., очерченное скобами, огражденное, недоступное, чужое [2; 697], что является очередным подтверждением предположения о том, что граница играет важную роль в оппозитивных отношениях «своего» и «чужого».

Всего в русских паремиях было выделено 15 однокоренных слов лексемы «свой» и 3 — лексемы «чужой». Общее количество паремий, в которых представлены однокоренные лексемы исследуемых оппозитивных концептов, составляет 62 единицы.

В английском паремическом корпусе была выделена только 1 паремия, содержащая однокоренную лексему, которая передает семантику «свойственности», «принадлежности» — *owner* (владелец), существительное, образованное от глагола *own* при помощи суффикса *-er*, ср.: *The house shows the owner.*

В ходе анализа были выявлены основные синтаксические средства, участвующие в вербализации исследуемых концептов, — основные типы словосочетаний с оппозитивными лексемами *свой* и *чужой* в русских и английских паремиях.

Для русских паремий наиболее продуктивным является словосочетание «*свой/чужой* + *существительное*» (474 единицы), что обусловлено посессивной семантикой исследуемых единиц.

Свой является притяжательным местоимением, но также может выступать в роли местоименного прилагательного. При этом лексема *свой* несет, прежде всего, семантику принадлежности (посессивное значение, отвечает на вопрос *чей?*) и семантику личного начала, например, ср.: *Своя кожа рубахи дороже; Своя ноша всегда тяжелее; Своя ноша не тянет (не тяготит, о своем позабочусь); Своя подоплека к сердцу ближе; Своя работа — первый барыш; Своя рогожка чужой рожки дороже; Своя рубаха — свой простор, своя и теснота; Своя рубашка ближе к телу; Своя рука (свой глаз) не солжет; Своя рука только к себе тянет; Своя ухитка, свое скривище.*

Чужой выступает в роли прилагательного и: а) характеризует объект как не принадлежащий мне или моему коллективу, принадлежащий кому-то, кто исключен из моей личной жизненной сферы; б) не подразумевает вопроса, кому конкретно принадлежит этот объект, так как субъект принадлежности исключен из сферы «своего». Оказывается неважным, кому принадлежит объект, маркированный в паремиях как «чужой», важно только то, что он «изымается из области «своего», например, ср.: русские паремии *Чужая душа — потемки; Чужая душа загадка; Чужая душа не гумно: не заглянешь; Чужая корка рот дерёт; Чужая корова, что выдоена, что высосана — все равно; Чужая ноша не тянет (т.е. не заботит); Чужая одежда — ненадёжа; Чужая печаль с ума свела, а по своей тужить некому; Чужая пожива не разжива.*

В сочетании с названиями предметов оппозитивные лексемы *свой-чужой* выступают как определения, однако они существенно отличаются от прилагательных, таких как *красный* или *большой*, которые выделяют объект, обладающий данным признаком из ряда однородных, и от притяжательных прилагательных, указывающих на притяжательность, соотнесение с объектом, тем, что обладают выраженной реляцией с объектом/объектами, характеризуют этот объект именно на основании связи: «свой» указывает на наличие связи, «чужой» — на её отсутствие, соотносят их с личной сферой субъекта.

Сочетание «свой + пространственное существительное» связано с концептуальным сценарием попадания субъекта в знакомую ему среду, отсюда появляются семантические оттенки «приветливый, теплый», ср.: *На своей стороне и камешек знаком; Со своей сторонки и ворона мила; Со своей земли — умри не сходи.*

Сочетание «чужой + пространственное существительное» связано с концептуальным сценарием попадания субъекта в незнакомую ему среду, отсюда появляются семантические оттенки «неприветливый, холодный», ср.: *На чужой сторонушке рад своей воронушке; На чужой стороне обтолкнут бока; Чужая сторона — дремуч бор; Чужую сторону хвалит, а сама туда ни ногою.*

Менее продуктивны в русских паремиях **отрицательные конструкции**, также участвующие в передаче семантики «свойственности-чуждости». В ходе анализа было выделено 10 единиц. Большинство толкований лексемы «чужой» в толковых словарях русского языка построены на отрицании «своего». Отрицательная частица автоматически преобразует концепт в антиконцепт, ср.: *Без межи не собина; Он сошел с ума, да не со своего, с чужого!; Не своим товаром ты стал торговать!; Конь не свой, погоняй, не стой!; Лошади чужие, хомут не свой — погоняй, не стой!; Не свое, так в людях выпрошено; Чужой рот — не свои ворота, не затворишь; Не свой нож, не любой кус; Не своя (наша) печаль чужих детей качать.*

В английских паремиях наиболее продуктивным является словосочетание «предлог + местоимение + *own/(an) other*» (143 единицы), что обусловлено, прежде всего, грамматическими особенностями построения синтагм в английском языке. Лексема «*own*» здесь несет семантику принадлежности, свойственности, ср.: *Have a horse of your own and then you can borrow one; He that comes after sees with more eyes than his own; He that has children, all his morsels (кусочки пицци) are not his own*, а лексема «*(an) other*» а) характеризует объект как обладающий отличительными от «своего» свойствами; б) обозначает другой объект, второй за «своим», ср.: *The corruption of one is the generation of another; A fool knows more in his own house than wise man in another's.*

Как в русских, так и в английских паремиях довольно продуктивными являются словосочетания «глагол + возвратное местоимение», соответствующие форме **возвратного залога** (60 и 105 единиц).

В русском языке возвратный залог имеет формулу «глагол+возвратное местоимение себя». Семантика возвратности обращается к субъекту «я», а значит и к области его «своего» мира. Возвратная глагольная семантика может описывать самые разные аспекты «своего» мира субъекта оппозиции, что обуславливается, прежде всего, семантикой корня глагола в русских паремиях. Значение глагола конкретизирует область описания, ср.: русские паремии: *Все люди свои, а всяк любит себя; Гречневая каша сама себя хвалит*, причем в русских паремиях порядок лексем в словосочетании может меняться, например, ср.: *Друга иметь — себя не жалеть; Друга потешить — себя насладить; Других не суди, на себя погляди!; Дружбу водить — так себя не щадить; Хороший товар сам себя хвалит; Чужого мужа полюбить — себя погубить; Всякая слепая про себя смекает.*

В английском языке возвратный залог имеет формулу «глагол + возвратное местоимение *self*», ср.: *A fool thinks himself wise; A wise lawyer never goes to law himself; Angry men make themselves beds of nettles; Self done is soon done; Self done is well done; Don't keep a dog and bark yourself; Each bird loves to hear himself sing; Even the lion must defend himself against flies.*

В английских паремиях встречается устаревшее возвратное местоимение *thyself* (15 единиц), которое легко распознаётся современными носителями языка, ср.: *With all thy knowledge know thyself; Trust none better than thyself.*

Необходимо обратить внимание на то, что в русском языке существует **средневозвратный залог**, который тоже участвует в передаче семантики «свойственности-чуждости» в паремиях. Данная категориальная форма залога обозначает сосредоточенность действия в субъекте и выражается при помощи формулы «глагол + ся/сь», ср.: *Овсяная каша хвалилась, будто с коровьим молоком родилась; Не суйся в волки с телячьим хвостом; Кто вперед суется, того и собаки едят; Не мешайся в*

совет, пока кто не позовет; Чужим уродом коришь, над своим казнишься; Чужим кусом подавишься; С худой головой не суйся в чад. В ходе анализа было выделено 14 единиц.

Семантику посессивности в английском языке передает **притяжательный падеж**. Посессивные конструкции «**существительное + 's**» — это один из способов описания объекта — указание на то, кому или чему он принадлежит, с чем или с кем ассоциируется. Зачастую, посессивное существительное является именем собственным или нарицательным одушевленным [6; 175], ср.: *He that tells a secret is another's servant; Every man's neighbour is his looking-glass; Another's bread costs dear; Another man's child isn't a child at all; A stranger's eye sees clearest; A man's wealth is his enemy.* Общее количество английских паремий, в которых оппозиция «свой-чужой» выражается посредством притяжательного падежа, составляет 84 единицы.

Как в русских, так и в английских паремиях продуктивным в передаче семантики «свойственности-чуждости» является **страдательный (неактивный, пассивный) залог**.

В русском языке страдательный залог не выделяется как отдельная грамматическая категория, однако пассивная семантика зачастую обнаруживается в глаголах, имеющих следующую формулу: «**глагол + ут/ют, ат/ят**». В данной группе глаголов четко прослеживается этимология оппозиции «свой-чужой» — проявляется значение «рабский, подневольный», в противопоставлении со «свободным человеком». Субъект предложения теряет свободу действовать по своей воле и становится объектом, над которым насильно совершается действие, его лишают выбора, навязывают ему определенные правила, ср.: *Дадут ломоть, да заставят неделю молоть; Закричишь, что лебедь, как кого теребят; И гуся на свадьбу тащат, да во щи; И верблюда на обороти водят; И медведя плясать учат; И не хочет коза на базар, да тащат за рога.* В данной группе насчитывается 30 единиц.

Пассивный, или страдательный, залог (Passive Voice) в английском языке — грамматическая категория, обозначающая то, что действие совершается над предметом кем-то извне. В фокусе внимания находится объект, затронутый действием. В предложении, в активном залоге, лицо или предмет, о котором идет речь, обычно ставятся на первое место в качестве подлежащего — субъекта действия, например: *I eat apples*, а в пассиве внимание сосредоточено на объекте, над которым это действие совершается. Таким образом, субъект действия в активном залоге становится объектом в пассивном, например, ср.: *An apple may happen to be better given than eaten.* Интересно, что в большинстве случаев в пассивном залоге в английском языке не упоминается агента действия. Отсутствие указания на агента может быть вызвано несколькими факторами: а) неизвестно, что или кто является субъектом действия; б) субъект действия не представляет интереса, не имеет значения; в) совершенно очевидно: *что* или *кто* является агентом действия; г) агентом действия может быть любой человек. Агент в пассивном залоге не упоминается из-за того, что внимание сосредоточено на событиях и результатах, а не на тех, кто отвечает за них [6; 579], ср.: *He that measures not himself is measured; He that respects not is not respected; He that seeks to beguile is overtaken in his will; Fools are known by their babbling; Do as you would be done by; An ox is taken by the horns, and a man by the tongue; All are presumed good till they are found in a fault; All easy that are done willingly; All things are not to be granted at all times.* Данная категория в английском языке также обнаруживает связь с этимологией оппозиции «свой-чужой» близостью к оппозиции «раб-свободный», поскольку в ней субъект лишен своей воли и становится объектом — заложником, лишенным права выбора и голоса. Эта группа насчитывает 68 единиц.

Итак, в русских паремиях в ходе анализа были выделены 5 различных видов синтаксических конструкций, участвующих в вербализации оппозиции «свой-чужой», а в английских — 4.

Сопоставительный анализ синтаксических средств, вербализующих оппозитивные концепты «свой-чужой», показал, что в них проявляется существенное сходство как в русских, так и в английских паремиях, различия обусловлены отсутствием определенных грамматических категорий в исследуемых языках, их внутригрупповой вариацией и количественным наполнением.

В русских паремиях реже, чем в английских, оппозитивные концепты «свой-чужой» выражаются посредством субстантивации (18 и 56 единиц соответственно), в то время как лексем-дериваты в русских паремиях существенно преобладают по количеству и разнообразию (62 и 1 единица соответственно). Факт наличия только одной лексем-деривата в английском языке объясняется тем, что исследуемые языки относятся к различным языковым типам. Русский язык в большей степени является языком флективного типа: существует возможность расчленить подавляющее большинство слов на корень, основу, словообразовательные и словоизменительные морфемы; в то время как английский язык (исторически, несомненно, флективный, как и все индоевропейские языки) в современном

состоянии благодаря конверсии приобрел признаки, свойственные агглютинативному типу [7; 19]: отсутствие согласования в предложении, жесткий порядок слов, и, самое главное, в нем слабо различаются части речи (ср.: the other (сущ.) и other man (прил.)).

Наиболее частотными синтаксическими средствами вербализации оппозитивных концептов в русском языке являются: словосочетания «свой/чужой+существительное» (474 единицы), глаголы в возвратном залоге (60 единиц), глаголы в страдательном залоге (30 единиц) и глаголы в возвратно-среднем залоге (14 единиц).

В английском языке наиболее продуктивными синтаксическими средствами вербализации исследуемых оппозитивных концептов являются: словосочетания «предлог + местоимение + own/(an) other» (143 единицы), местоимения в возвратном залоге (105 единиц), существительные в притяжательном падеже (84 единицы) и глаголы в страдательном залоге (68 единиц).

Существенные различия (30 единиц в русском и 68 — в английском) обнаруживаются в группе синтаксических средств «глаголы в страдательном залоге». Предположительно, это связано с тем, что в английском языке страдательный залог является отдельной, самостоятельной грамматической категорией, часто употребляемой, в то время как в русском языке такая категория отсутствует, а глаголы с суффиксами -ут/ют, -ат/ят, несущие страдательную семантику, не отличаются частотностью употребления.

Также в ходе сопоставительного анализа были определены различия в группе «глаголы/местоимения в возвратном залоге», где, несмотря на наличие категории возвратности в обоих исследуемых языках, количественно преобладают английские единицы (105 единиц в английском по сравнению с 60 — в русском). Исходя из того, что семантика возвратности обращается к субъекту «я», к области его индивидуального мира, можно предположить, что наличие большого количества возвратных конструкций в паремиях английского языка характеризует исследуемый фрагмент паремической картины мира как «эгоцентрический», направленный, прежде всего, на личность, её индивидуальные желания, потребности, интересы, в отличие от русского фрагмента паремической картины мира, который является в большей степени группоцентрическим.

В английских паремиях оппозиция «свой-чужой» вербализуется при помощи притяжательного падежа (существительное's + существительное) — так проявляется семантика обладания, принадлежности. В русском языке такая грамматическая категория отсутствует.

Таким образом, анализ оппозиции «свой-чужой» в русских и английских паремиях показал, что в её вербализации задействовано большое количество языковых единиц, что свидетельствует о важности и сложности рассматриваемого феномена и в очередной раз подтверждает то, что исследуемая оппозиция является центральной социально-психологической оппозицией в паремической картине мира.

Список литературы

- 1 Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / Российская академия наук. Институт русского языка им. В.В.Виноградова. — 4-е изд., доп. — М.: ТОО «Диамант», 1997. — 944 с.
- 2 Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. — СПб.: ТОО «Диамант», 1996.
- 3 Hornby A.S. Oxford Advanced Learners Dictionary of Current English / Chief editor Sally Wehmeier. — 7th Edition. — Oxford.: Oxford University Press, 2005. — 4855 p.
- 4 Юнг К.Г. Сознание и бессознательное. — СПб.: ТОО «Диамант», 1997. — 349 с.
- 5 Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4 т. / М.Фасмер; Пер. с нем. и доп. О.Н.Трубачева. — 4-е изд., стер. — М.: ООО «Издательство «Астрель»», 2004.
- 6 Грамматика английского языка: Учеб. пособие / Пер. с англ. М.Я. Блоха и др.; Под ред. М.Я.Блоха. — М.: Астрель, 2006. — 703 с.
- 7 Аракин В.Д. Сравнительная типология английского и русского языков: Учеб. пособие / Под ред. М.Д. Резвевой. — 3-е изд. — М.: ФИЗМАТЛИТ, 2005. — 232 с.

В.А.Ермакова

Әр құрылымдағы тілдердегі «өз-бөгде» оппозицитивті концепттерді паремиялық вербализациялау

Мақаланың негізін «өзінікі-өзгенікі» қарама-қарсы тұжырымдарының мазмұнына салыстырмалы лексикалық-семантикалық талдауды жүргізу міндеті, сонымен қатар орыс және ағылшын мақал-мәтелдеріндегі «өзінікі-өзгенікі» тұжырымдарын жүзеге асырудың негізгі синтаксистік әдіс жолдарын зерттеу мәселесі құрайды. Зерттеу 26 әр түрлі паремиялық сөздіктер мен жинақтардан әдейі таңдап алынған ағылшын және орыс тілдерінің паремиялық материалында орындалды. Нақты талдауға 1000 орыс және 1000 ағылшын паремия тіл бірліктері алынды. Қарама-қарсы өзгеріске тіл бірліктерінің көп мөлшерде ұшырауы зерттелетін қарама-қарсылық әлемнің паремия бейнесінде басты әлеуметтік-психологиялық категория екендігін дәлелдейді.

This article is based on the research aimed at comparative lexico-semantic analysis of the content of the opposite concepts 'one's own-(an) other', revealing of the paronymous words which represent these concepts and investigation of the syntactical means which verbalize concepts 'one's own-(an) other' in the Russian and English proverbs and sayings. Material of the research was selected from 26 different paremiological dictionaries. 1000 Russian and 1000 English paremiological units were analysed in detail. The fact that there is a great number of various language means which verbalize the opposition suggests the importance and complexity of the phenomenon and confirms the statement that this opposition is a central social-psychological category in the paremiological picture of the world.

УДК 81'33

Ф.Т.Саметова

Республиканский институт повышения квалификации руководящих и научно-педагогических кадров системы образования, Алматы

Психолингвистический эксперимент как средство определения смыслового наполнения концепта

Сложившиеся в определенной лингвокультуре аксиологические представления, их преломления в индивидуальном сознании накладывают отпечаток на смысловое содержание лингвокультурных концептов. Психолингвистические эксперименты позволяют сделать срез современных реакций на исследуемый концепт. В данной статье рассматриваются итоги выявления с помощью ассоциативного эксперимента специфики восприятия концепта «время» языковым сознанием казахов и русских.

Ключевые слова: концепт, психолингвистический эксперимент, понятия об ассоциации и ассоциативном значении слова, причины популярности ассоциативного эксперимента.

Смысловое содержание концепта зависит от сложившихся в данной лингвокультуре аксиологических представлений и их преломления в индивидуальном сознании. Последнее нередко выявляется методом психолингвистических экспериментов — свободного ассоциативного, направленного ассоциативного и др., которые позволяют сделать срез современных реакций на исследуемый концепт.

Психолингвистический подход к изучению концепта основан на понятиях об ассоциации и ассоциативном значении слова. А.А.Залевская считает, что понятие ассоциативного подхода сформировалось в ходе поисков специфической внутренней структуры слова, глубинной модели связей и отношений между речевыми высказываниями, которая складывается у человека через речь и мышление, лежит в основе «когнитивной организации» его многостороннего опыта и может быть обнаружена через анализ ассоциативных связей слова [1; 164].

Ассоциативные эксперименты относятся к числу давно применяемых и достаточно широко распространенных методов исследования в психолингвистике для изучения психологического, категориального и предметного значения слова, а также в процессе межъязыковых и межкультурных исследований.